

Евгений Котляр
(Харьков, Украина)

Харьковская государственная академия дизайна и искусств

Доцент, кандидат искусствоведения

E-mail: eugeny.kotlyar@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7698-418X

Sergey R. Kravtsov, Vladimir Levin. ***Synagogues in Ukraine: Volhynia***

2 vols. Jerusalem: Zalman Shazar Center and Center for Jewish Art, 2017. ISBN: 9789652273420. 848 p.

DOI: 10.31168/2658-3364.2020.1.15

Двухтомная монография-каталог «Синагоги Украины: Волынь», изданная в 2017 году Центром еврейского искусства в Еврейском университете в Иерусалиме, стала первым комплексным исследованием историко-культурного контекста и архитектурного своеобразия синагог одного из крупнейших исторических регионов жизни восточноевропейского еврейства. Исследовательский подход и масштаб этого издания, подготовленного Сергеем Кравцовым и Владимиром Левиным, не имеет аналогов среди подобных изданий на Украине. В методологическом плане этот подход был апробирован авторами в исследовании синагог Литвы [*Synagogues in Lithuania* 2010, 2012].

Двухтомник включает три вступительные статьи, представляющие историко-правовой контекст того периода, к которому относятся волыньские синагоги, их архитектурную историю и функционирование ритуальной атрибутики синагог. Эти статьи предваряют каталожную часть издания. Тексты сопровождаются более чем 1 200 цветных и черно-белых фотографий, рисунков, чертежей, исторических и специально подготовленных карт, дающих наглядное представление о географии региона и населенных пунктах, где находятся либо находились в прошлом рассмотренные в книге синагоги, о их расположении на местности. Это придает изданию дополнительную ценность для регионального краеведения.

Открывает издание статья В. Левина о юридической истории синагог Волыни. Автор реконструирует историю законодательства и политики властей. В аналитику включаются меняющиеся политические границы, статистика

и концептуализация официального нарратива. Статья структурирована по хронологии, основной ее части предшествует терминологический раздел, поясняющий термины, касающиеся еврейских молитвенных учреждений, и то, как они употреблялись на практике. Далее повествование разделено на следующие части: «Речь Посполита: формирующий этап», «Российская империя: под государственным регулированием», «После развала Российской империи: исчезновение и уничтожение» и «После СССР: возрождение».

Красной нитью проходит сюжет о трудностях в реализации на местах многих ограничительных законов как в Речи Посполитой, так и в Российской империи. Все это нередко превращалось в вязкие затяжные процессы, в которых местные власти, руководствуясь прагматизмом, становились на сторону евреев. Под разными предлогами они игнорировали трудновыполнимые церковные требования или государственные ограничительные нормы. Среди центральных идей статьи следует отметить мысль о том, что одним из факторов развития еврейской синагогальной традиции было противодействие властям, придумывавшим разные уловки для закрытия синагог. По-новому автор смотрит и на социальную историю так называемых больших синагог, отделяя их от других синагог и молитвенных домов на том основании, что именно они становились своеобразным лицом еврейской общины. Их власти и пытались контролировать, а по сути тем самым хотели «обезличить», подчеркивая более низкое положение евреев в христианских землях. Реализовывалось это через разнообразные ограничения по месту, размеру и виду «больших» синагог, при этом более мелкие синагоги и молитвенные дома почти не замечали. Примечательна в связи с борьбой с еврейским фанатизмом в Российской империи и мысль о более лояльном отношении властей к реформистским синагогам, которые на начальном этапе воспринимались как позитивное движение к модернизации и открытости. Автор приходит к выводу, что, несмотря на все коллизии, все режимы досоветского времени видели в синагогах важный компонент еврейской жизни. Лишь советская власть ставит точку на многовековой религиозной традиции, разрушая синагоги и как институции, и как исторические памятники.

Автор второй статьи Сергей Кравцов, как и в двухтомнике о литовских синагогах, дает широкую архитектурную ретроспективу синагог Волыни. Предварительные замечания о статусе конкретного города и его подчиненности королевской власти, магнатам или клиру, о работе в городе иностранных, столичных или придворных архитекторов (а в Российской империи гражданских и свободно практикующих архитекторов), о растущем социальном и цеховом расслоении еврейского населения, стремившегося к обособлению в собственных синагогах и вместе с тем сообща заботившегося о поддержке коммунальных «больших» синагог, высвечивают факторы, определявшие архитектурное своеобразие волынских синагог. В центре этого фона помещена синагога как молитвенно-ритуальный конструкт,

находящий свое идеальное отражение в интерьере, который, в отличие от внешнего вида здания, не подвергался чужим регламентациям и был чистым проявлением еврейского религиозного духа. Изнутри синагоги автор и начинает свой рассказ, описывая при этом сменяющие друг друга с течением времени типы объемно-пространственной структуры интерьера.

Рассматривая в одноименных разделах статьи ранние бесколонные залы, залы с *бимой*-опорой, девятипольные залы, залы с центральным купольным перекрытием, «хоральные» синагоги и залы малых синагог, автор выявляет эволюцию синагогального пространства и генезис каждого типа интерьера, показывает на многочисленных примерах общность и вариативность архитектурно-художественного решения синагог. Это дает ему основания для гипотез об авторстве многих ранних анонимных синагог, объяснения эстетических и прагматических задач, стоявших перед строителями, для исследования в контексте иудаизма сложных вопросов семантики пространственных решений. Ученый прослеживает во времени и пространстве появление тех или иных архитектурных схем, связанных, прежде всего, с местоположением и конструкцией *бимы*. Подчеркивается преемственность сложившихся решений, которые не отбрасывались в прошлое, а оставались в живом арсенале последующей архитектурной практики.

Отдельная часть статьи посвящена рассмотрению всего комплекса ритуального и бытового наполнения предметно-пространственной среды синагоги. Автор предлагает свой типологический принцип анализа, показывая, например, три стадии развития формы *Арон Кодешей*: в виде каменного ренессансного ковчега; каменного *Арон Кодеша*, адаптировавшего форму барочных католических алтарей и, наконец, наиболее оригинальной формы – деревянного многоярусного барочного *Арон Кодеша*, который стал наиболее популярным и оставался таковым в еврейской традиции на протяжении двух столетий вплоть до Холокоста. Исследование сюжетов, мотивов и инскрипций в иерархической структуре резного декора *Арон Кодеша*, дает основание видеть в нем воплощение идеи ковчега как божественного престола, связанного с историческим и эсхатологическим Иерусалимом, а также с мессианским Храмом. Аналогично рассматривается конструкция и декор *амуда* и его роль в молитвенной концентрации. Кратко автор обозначает наличие и местоположение больших *ханукальных менор*, не углубляясь в типологию их форм и описание декора, хотя их символическая и стилистическая связь с *Арон Кодешем*, *амудом* и с другой синагогальной утварью очевидна. Особое внимание уделяется планировке, конструкции и материалам *бимы*. Мы узнаем интересные подробности о виде многочисленных деревянных скамей в интерьере, их роли в организации пространства и социальной дифференциации общины.

Рассказывая о декоре синагог, в частности о настенной живописи, автор обращает внимание не только на мотивы и циклы росписей, но и на их связь с молитвенным пространством. Читатель не увидит здесь целостной

иконографической программы и семантического разбора сюжетов, скорее – общий обзор с описанием типичных или оригинальных решений, указывающих на траекторию развития традиции на этих землях. Тому есть две причины. Во-первых, на Волыни не сохранилось полной информации о системе росписи ни одной синагоги, в отличие, скажем, от соседних Галиции и Подолии, где у нас есть понимание региональной специфики. Во-вторых, состояние научных знаний в этой области пока позволяет рассматривать лишь отдельные элементы. Автор кратко затрагивает и другие виды декора – архитектурную лепнину и витражи, по которым сохранилось еще меньше сведений.

Завершается рассказ о внутреннем убранстве синагоги историей формирования женской галереи. Внимательный читатель после прочтения сможет без особого труда идентифицировать женскую часть в любой синагоге и даже сходу определить по меньшей мере век ее постройки. Кроме того, автор рассматривает назначение вестибюля и прилегающих к основному молитвенному залу пристроек и комнат.

Другая часть архитектурного раздела посвящена анализу экстерьера синагог, который, по мнению автора, обусловлен прежде всего функциональными факторами, а не эстетическими концепциями. Основные требования касались главного объема с молельным залом. Все прочее менялось по ходу роста общины и решения задач по обслуживанию здания. Со временем пристройки стали входить в единую массу здания, которую проектировали сразу. Автор подчеркивает, что такое естественное развитие архитектурной формы синагоги в конечном счете привело к ее эстетическому осмыслению. Один из вариантов этой формы имел Т-образный план, который С. Кравцов связывает с образом льва из мишнаитского описания Храма и предлагает понимать как намек на разрушенный и мессианский Храм. Этот вид автор считает одним из двух утвердившихся подходов к созданию единой массы синагогального здания. В основе другой, рациональной, концепции лежало визуальное разделение в одном объеме высокого молитвенного зала и двухэтажной западной пристройки. Автор прослеживает изменения во внешнем убранстве каменных синагог: подчеркивает развитие его от аскетичных форм до такого архитектурного декора, который уже не связан с внутренней структурой постройки. Отдельное внимание уделено форме деревянных синагог, которые были связаны с каменными, но имели свои особенности.

Оригинальны размышления автора о стилях в синагогальном зодчестве. Он проводит параллель между использованием того или иного стиля и приверженностью еврейской общины господствовавшей идеологической повестке и т.п. Характерно, что развитие многих стилей идет с запозданием, формируя непрерывность и наследственность архитектурной традиции. Автор настаивает на том, что архитектура синагог Волыни возникла из многовекового диалога культур. Скучная документальная информация

о вкладе еврейских мастеров в строительство синагог дополняется разного рода преданиями и пр.

Такого рода фольклорные тексты представляют волынские синагоги как культурный феномен в его сложном окружении, превращают синагогу в символический конструкт и комплекс визуализированных идей, воплощенных евреями для самих себя на понятном им, но уже недоступном нам, языке. Главная заслуга автора видится в том, что он раскрывает эти коды, позволяя нам понять этот язык и его идиомы. Другой нарративный слой представляет волынскую синагогу как фольклоризированный объект, соединяющий мистическими связями общину, ее лидеров и строителей/декораторов синагог со своей святыней. В негативном свете предстает синагога в христианском восприятии: это нечто чужое и инородное.

Третья статья В. Левина о социальной роли синагогальных церемониальных объектов на Волыни уводит нас от описания ритуальных предметов как искусствоведческого материала для демонстрации других срезов – экономического и социального. Автор исследует материальную ценность предметов, традицию их пожертвований, проводит анализ «виртуального инвентаря» синагоги (термин В. Левина, подразумевающий совокупность тех предметов, утвари и проч., которые должны были находиться в синагоге, но были утрачены. С. 153). Используя три группы источников – сами артефакты, письменные свидетельства и визуальные материалы, среди которых особое место занимают описи имущества, составленные в ходе национализации синагог, – автор показывает предметный и количественный состав церемониальных принадлежностей и бытовой утвари в синагогах и их стоимость. Из текста становится понятно, как веками накапливались обрядовые предметы в синагогах и как их стоимость коррелировала с социальным статусом общины. Читая о причинах, которые двигали жертвователями, мы неожиданно узнаем о значимости и стоимости церемониальных предметов. Наиболее кропотливая часть работы – изучение надписей на самих предметах – позволила автору выяснить не только имена доноров и их мотивы, но и то, что наряду с мужчинами, жертвователями были и женщины, которые часто дарили синагогам недорогие *тора-шилды* во здравие и благополучие детей. Автор также устанавливает происхождение многих предметов, подчеркивая, что дешевые могли производиться на местах, а дорогие обычно привозили из крупных европейских городов.

Эта статья возвращает волынским синагогам их утраченные предметы, раскрывает многие факторы, влиявшие на формирование этого «инвентаря» (среди которых статус синагоги, финансовое благополучие общины, пожары и всевозможные бедствия, практики жертвования, принятые у состоятельных евреев или доступные бедным). Из нее читатель узнает, как выглядели типичные шкафы для хранения свитков Торы, сколько было скамеек и *штендеров* в синагоге, сколько стоило отопление и освещение, где располагались самые престижные места, какова была их цена и как за

них боролись евреи. Автору удастся показать волынскую синагогу в ее повседневной жизни через анализ предметов, вещей. Нельзя не согласиться с выводом автора о том, что представленная картина актуальна и для соседних регионов, которые жили в схожих реалиях и наследовали традиции еврейства Речи Посполитой.

Каталожная часть двухтомника «Общины и синагоги» включает описание примерно трех с половиной сотен синагог Воыни – 39 сохранившихся и 302 исчезнувших в 23 городах: Берестечко, Красноармейск (в прошлом Пулины, ныне – Покровск), Дубно, Городница, Изяслав (Заслав), Клевань, Ковель, Кременец, Луцк, Млинов, Олевск, Острог, Полонное, Радивиллов, Ровно, Шепетовка, Славута, Староконстантинов, Турийск, Владимир-Волинский, Вишневец и Житомир. В некоторых населенных пунктах авторами было выявлено по одному зданию синагоги, в других, крупных в прошлом центрах еврейской жизни, – десятки синагог и молитвенных домов. В ряде случаев (как в Луцке, Остроге и Ровно) их было более тридцати, а в Житомире – больше семидесяти. Материал по всем городам структурирован по общей схеме, раскрывающей исторические и архитектурные особенности синагоги. Описание каждой синагоги предваряют топонимические сведения, информация об административной подчиненности города в разные периоды и статистические данные о еврейском населении. Разделы сопровождаются краткой топографической характеристикой и историческим экскурсом, в том числе очерком развития еврейской общины в том или ином городе/местечке. Далее следует перечень документально выявленных синагог и молитвенных домов с краткой характеристикой.

Вторая – архитектурная – часть раздела посвящена описанию каждого сохранившегося здания синагоги с указанием его места в городской среде. Описание включает сведения о внешнем виде здания, материалах, конструкции, характеристику фасадов, планировки, отделки, ритуальной утвари. Анализ архитектурного стиля, типологии тех или иных форм и иконографии изобразительных мотивов позволяет связать здание с соответствующими концептуальными идеями и архитектурной практикой.

Чтение статей вызывает сильный эффект погружения. Этому способствует не только старый и современный визуальный материал, но и нарративы, которые показывают жизнь синагоги во времени, в том числе на этапе процветания, и способствуют сохранению памяти о еврейском присутствии в волинском городском ландшафте. Бесценны собранные по крупицам визуальные материалы по каждой синагоге, в частности, сведения о ритуальной атрибутике. Это первая и замечательно удавшаяся попытка увидеть наполненное предметами внутреннее пространство конкретной синагоги, попытка, позволившая заглянуть за синагогальную завесу многих «больших» синагог.

Для заинтересованного читателя эта работа формирует динамическую картину жизни синагоги как административно-духовных центров и особых

архитектурных объектов. Комплекс описаний всей «еврейской улицы» города позволяет наглядно увидеть место евреев в городской инфраструктуре – и в отдельном городе, и во всем регионе. И в этом смысле работа открывает последующим поколениям возможность увековечить эту память на новом витке развития общества, взяв на вооружение те методики и технологии, которые предоставит будущее.

Чрезвычайно высоко оценивая этот труд, все же хотелось бы посоветовать на сознательный отказ авторов от описания значимых синагог, оказавшихся за пределами каталога. Трудно оспаривать убедительный исходный принцип – взять города, где сохранилась хотя бы одна синагога. То, что другие, ныне разрушенные, синагоги вошли в обобщающие статьи – бесспорно важно для осмысления материала. Вместе с тем целый ряд известных деревянных и каменных синагог в Горохове, Козине, Кореце, Лукове, Любомле, Норинске, Озютичах, Острополе, Сокале, Степани, Тарговице и др. несколько растворились в общем описании. Думаю, что краткая справка о них в отдельном разделе, могла бы существенно расширить контекст и географический охват. Впрочем, заинтересованного читателя можно направить к другим исследованиям, посвященным описанию этих местечек, таким, например, как сборник воспоминаний «Книга памяти исчезнувшего штетла» о Любомле и его синагогах [Luboml 1997]. Среди специализированных трудов широко известны хрестоматии Марии и Казимира Пехоток о деревянных и каменных синагогах Речи Посполитой, переиздававшиеся несколько раз [Piechotka 2015, 2017]. Их авторы подобным образом (каталог), но в сугубо историко-архитектурном ключе описывают эти и другие синагоги.

Рецензируемая работа, без сомнения, задает новый исследовательский уровень и методологический подход к описанию синагог и всего культурного наследия, причем не только еврейского. Она превращает описание архитектурных объектов и мест памяти в работу с целостным историко-мемориальным комплексом. Она восстанавливает и возрождает на ментальной (и отчасти – физической) карте утраченное прошлое и дает широкие перспективы дальнейшего использования сведений о нем.

Литература

- Luboml 1997 – Luboml: The Memorial Book of a Vanished Shtetl / Ed. by V. Kagan. Hoboken: Ktav Pub. House, 1997. 427 p.
- Piechotka 2015 – *Piechotka M., and Piechotka K. Heaven's Gates: Wooden Synagogues in the Territories of the Former Polish-Lithuanian Commonwealth.* Warsaw: Polish Institut of World Art Studies, Polin Museum of the History of Polish Jews, 2015. 665 p.
- Piechotka 2017 – *Piechotka M., and Piechotka K. Heaven's Gates: Masonry Synagogues in the Territories of the Former Polish-Lithuanian*

Commonwealth. Warsaw: Polish Institut of World Art Studies, Polin Museum of the History of Polish Jews, 2017. 725 p.
Synagogues in Lithuania 2010, 2012 – Synagogues in Lithuania. A–M. A Catalogue / A. Cohen-Mushlin, S.R. Kravtsov, V. Levin, G. Mickūnaitė, J. Šiaučiūnaitė-Verbickienė. Vilnius, 2010.; N–Z. A Catalogue. 2012.

Eugeny Kotlyar (Kharkiv, Ukraine)
Kharkiv State Academy of Design and Fine Arts
Associate professor, Ph.D. in Art History
E-mail: eugeny.kotlyar@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7698-418X

DOI: 10.31168/2658-3364.2020.1.15

References

- Kravtsov, S.R., and V. Levin, 2017, *Synagogues in Ukraine: Volhynia*. Jerusalem, Zalman Shazar Center, 2 vols., 848.
- Kagan, B., ed., 1997, *Luboml: the Memorial Book of a Vanished Shtetl*. Hoboken, Ktav Publishing House, 427.
- Piechotka, M., and K. Piechotka, 2015, *Heaven's Gates: Wooden Synagogues in the Territories of the Former Polish-Lithuanian Commonwealth*, 2 ed. Warsaw, Polish Institut of World Art Studies, Polin Museum of the History of Polish Jews, 665.
- Piechotka, M., and K. Piechotka, 2017, *Heaven's Gates: Masonry Synagogues in the Territories of the Former Polish-Lithuanian Commonwealth*. Warsaw, Polish Institute of World Art Studies, Polin Museum of the History of Polish Jews, 725.
- Mickūnaitė, G., and V. Levin, eds., 2010–2012, *Synagogues in Lithuania: a Catalogue*, 2 vols. Vilnius, Vilnius Academy of Arts Press, 322, 471.